

На правах рукописи

Ряжев Андрей Сергеевич

**ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ОТНОШЕНИЮ
К РЕЛИГИОЗНЫМ МЕНЬШИНСТВАМ
НА ЮГЕ И ЮГО-ВОСТОКЕ В XVIII В.
(СТАРООБРЯДЦЫ, МУСУЛЬМАНЕ, КАТОЛИКИ)**

Специальность 5.6.1 – отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Улан-Удэ – 2021

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Цюрюмов Александр Викторович

Официальные оппоненты **Мининков Николай Александрович**, доктор исторических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», кафедра специальных исторических дисциплин и методики преподавания истории и обществоведения, профессор
Орлова Кеся Владимировна, доктор исторических наук, ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук, центр архивных исследований, ведущий научный сотрудник
Тюменцев Игорь Олегович, доктор исторических наук, профессор, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», кафедра государственного управления и менеджмента, заведующий

Ведущая организация **ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова»**

Защита состоится 17 декабря 2021 г. в 10.00 ч. на заседании диссертационного совета Д 003.027.01 при ФГБУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» по адресу: 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке ФГБУН «Бурятский научный центр СО РАН» по адресу: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, и на сайте www.imbt.ru.

Автореферат разослан «23» сентября 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Жамсуева Дарима Санжиевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Актуальность исследования обусловлена прежде всего его значением для понимания истории России в раннее Новое время, в частности, важностью роли религиозного управления в политической практике тогдашней российской монархии как государства современного типа. Отсюда возникает необходимость полного, всестороннего изучения системы подобного управления, включая роль господствовавшей Церкви в отношении конфессий и верующих, не относившихся к ней, а также правительственные подходы к реформированию церковно-миссионерской сферы.

Изучение сферы политики и религии на юге и юго-востоке России актуально не только в плане исторических судеб указанных территорий: это работающая модель социальных процессов и в других аналогичных — поликонфессиональных и полиэтничных — регионах страны в Новое время. Также благодаря наличию подобной модели удаётся существенно расширить знания о начинаниях российского абсолютизма применительно к сфере религиозного управления и законодательства, более полно представить роль религиозного фактора в политике и дипломатии Российской империи XVIII в.

В зарубежной научной литературе проблематика религиозных отношений имперского периода и политики монархии в России лежит, как правило, в русле концепций о перманентной российской военно-политической экспансии в южном направлении. Особое внимание при этом уделено процессам европеизации и переноса европейских заимствований (административных, политических, правовых, культурных) на южные и юго-восточные территории Российской империи, наметившимся со времён Петра I. В частности, политика веротерпимости XVIII–XIX вв. и вытекающие отсюда правоприменительные установки в практике верховного управления или же местных административных органов трактуются преимущественно как результат широкой рецепции идей эпохи европейского Просвещения.

Интерес к подобным тенденциям российской истории обусловлен также сохраняющимся в европейской и англо-

саксонской историографии вниманием к темам мультикультурализма и исторической идентичности за пределами атлантической цивилизации в Новое и новейшее время (XVIII – начало XXI вв.).

В отечественной научной литературе изучение религиозной политики сосредоточено на периоде середины XIX – начала XX в., что связано с вниманием к истории государственности в предкризисную и кризисную (революционную) эпохи. Особое внимание здесь вызывает эпоха 1905–1917 гг., характеризовавшаяся коренным изменением политико-религиозной обстановки по сравнению с предшествующим временем. Применительно же к более раннему времени затрагиваются исторические традиции российской веротерпимости, проводником которых выступала и российская абсолютная монархия, а также тенденции прагматической политики, обусловленные нарастающей в Новое время интеграцией окраин и их населения в рамках общероссийского социума, объединявшего все этноконфессиональные и сословные группы [Ряжев 2006: 84–126].

Степень научной разработанности проблемы. Она определяется ныне трудами европейских и российских историков о взаимоотношениях государства и религии, светских и духовных властей и бытования институций соответствующих конфессий в Российской империи на протяжении XVIII в. При этом особое внимание уделено анализу трудов, охватывавших середину – вторую половину XVIII в. как наиболее насыщенного событиями и принципиально важного с точки зрения эволюции российской политической системы и места в ней соответствующих конфессий и этноконфессиональных групп — носителей указанных конфессий. Подробный историографический анализ использованной литературы представлен в первом параграфе первой главы работы.

Цель работы состоит в том, чтобы проанализировать особенности политики Российской империи по отношению к религиозным меньшинствам на Юге и Юго-Востоке в XVIII в., являвшиеся одним из наиболее важных факторов курса российской

монархии. Соответственно, в исследовании поставлены следующие **задачи**:

1. Изучить вероисповедное содержание российско-турецких и российско-польских отношений XVIII в., включая и отношения России с турецким вассалом — Крымским ханством. Это подразумевает исследование вопросов о казаках-некрасовцах и политическом состоянии казачества, российского и украинского, для которого пример и действия некрасовской общины представляли политический ориентир (положительный или отрицательный).

Кроме того, данная задача подразумевает и исследование возникновения и развития такого явления, как старообрядческая эмиграция, направленная в различные регионы — земли, подвластные туркам (собственно турецкие или вассальные), земли Короны Польской или Великого Княжества Литовского в составе Речи Посполитой, и её влияние на состояние отношений Российской империи с ближайшими соседями — Османской империей, Польско-Литовским государством — в целом.

2. Разрешение указанной задачи связано также с исследованием «диссидентского вопроса» — вопроса о политических и религиозных правах некаатолической шляхты в Речи Посполитой на протяжении XVIII в.

3. Изучить развитие старообрядческой реэмиграции, возникшей как в результате целенаправленных усилий российских властей, так и изменений политической обстановки в Восточной и Юго-Восточной Европе в результате русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг. и разделов Речи Посполитой.

4. Изучить взаимоотношения российских властей с католичеством на почве развития католической миссии на южных границах государства и дальнейшего формирования системы управления российским католичеством в результате польских разделов и движения российской территории к югу.

5. Исследовать проявления фронтальной модернизации, в которой государство выступало крупнейшим актором, способным к организации вероисповедных отношений на новых началах и на совершенно новой политико-правовой базе. Субъектами

модернизационной политики выступали также окраинные народы, на которые распространялась сфера компетенции устанавливаемых государством и их собственной социальной верхушкой религиозных институций выступавших как запланированным, так и побочным результатом указанной модернизации.

При этом осуществляется комплексный подход к вопросам: они рассматриваются во взаимной связи и с учётом осложнявших их политико-дипломатических факторов двусторонних и многосторонних политических отношений, поддерживавшихся российской дипломатией в Восточной и Юго-Восточной Европе, Северном Причерноморье, Северном Кавказе, Северном Прикаспии.

Объектом исследования выступает сфера политических взаимоотношений в России раннего Нового времени.

Предметом исследования избрано взаимодействие государства с религиозными меньшинствами в южных регионах страны.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом модернизационных преобразований, проводившихся верховной властью в сфере политико-правовой надстройки. Соответственно, началом избранного периода выступает канун Прутского похода Петра I — 1711–1712 гг., а завершением — первая половина 1790-х гг., когда была завершена русско-турецкая война 1787–1791 гг. и шло дипломатическое закрепление её итогов на южных и юго-восточных границах России. Именно в этот период были приняты основополагающие законы и осуществлены государственные мероприятия, определившие жизнь изучаемых конфессий и их взаимоотношения с государством на длительную перспективу — до середины XIX и даже вплоть до середины 1900-х гг., то есть выхода Основных законов Российской империи.

Территориальные рамки исследования охватывают южные и юго-восточные окраины российской империи в XVIII в. Границы государства были проницаемыми, проходили через исторически формировавшиеся культурные регионы и контактные межкультурные зоны юга Европейской России. С учётом движения границ после каждой из русско-турецких войн XVIII в. в направлении Северного Причерноморья, Северного Кавказа,

Северного Прикаспия и вхождения этих регионов в конечном итоге в состав государства, а также соответствующего административно-территориального переустройства Российской империи на протяжении второй трети – конца XVIII в. территориальные рамки ограничены указанными регионами.

Источники. В работе привлечены документы, отражающие деятельность государства в центре и на местах в отношении указанных конфессий (старообрядчества, ислама, католичества) и их носителей — российских и зарубежных подданных. Также использованы опубликованные источники аналогичного происхождения и содержания. Сочетание внешней и внутренней критики источников, их комплексное использование способствуют выявлению новых данных и обеспечивают глубину исследования, обозначению неявных аспектов исторических процессов прошлого. Более подробный обзор источников представлен во втором параграфе первой главы диссертации.

Методология и методы исследования. Методология работы подразумевает выбор исследовательского инструментария, ориентированного на изучение политических процессов европейского типа в рамках монархического режима изучаемой эпохи, развивавшегося в России. Базовым подходом является история империй. При этом также выдержаны подходы, обеспечивающие понимание роли культурной рецепции в российской политической истории на протяжении XVIII в., особенно в эпоху Просвещения, и повышенной роли публичной власти в социальных процессах различных уровней: центрального (правовая политика в масштабах всего государства), регионального и межрегионального (губернии и иные территориальные образования на юге), местного (уезд и соответствующие единицы). Более подробный анализ методологии и методов, использованных в исследовании, приведен в третьем параграфе первой главы диссертации.

Научная новизна. В историографии политической и религиозной истории раннего Нового времени России и Европы задачи такого содержания и в таком сочетании ранее не ставились. При этом следует подчеркнуть, что и «диссидентский вопрос», и

российско-католические связи, и тема возвращения старообрядцев из Польши и Литвы на родину — сюжеты, имеющие сами по себе значительную литературу. Дело, однако, в том, что никогда не рассматривались их влияние на политику России на юге, их роль в переориентации российского внешнего курса, имевшей место в последней трети XVIII в. Не выступали предметом исследования и неочевидные конкретно-исторические последствия названных процессов, такие как воздействие «диссидентского вопроса» на сферу церковного управления или ограничение миссионерской деятельности господствовавшей греко-российской церкви в связи с необходимостью пополнения казачества нехристианами или же христианами, не относившимися к официальному православному исповеданию. Также впервые в литературе рассмотрен ряд проектов и реформ верховной власти в религиозной сфере, предпринятых в связи с прагматическими расчётами или правовыми и управленческими модернизационными новациями (реформа Святейшего Синода, план упразднения православного монашества, установление социального статуса духовенства в Российской империи).

В диссертационном исследовании проводится комплексное исследование сферы религии в изучаемый период с привлечением источниковедческих, историографических, археографических и общеисторических научных методов, а также данных таких отраслей научно-исторического знания, как востоковедение, историческая демография, история христианского миссионерства. Выделенная проблематика, получившая отражение в структуре диссертационного исследования, отличается от аналогичных исследований, имеющих в современной научной литературе. Важное внимание уделяется процессам становления и развития военно-служилых сословий, сыгравших значительную роль в истории окраинных территорий на юге и юго-востоке России, тогда как в специализированной научно-исторической литературе подобные процессы зафиксированы и изучены слабо, а богатейшие материалы, относящиеся к теме диссертации и собранные в архивах, как правило, недооцениваются. Не имеют аналогов и

вводимые в оборот сведения о проектах реформ российских властей по части религии и Церкви в Новое время.

Положения, выносимые на защиту:

1. Веротерпимость как основа политического курса — черта политики монархических режимов раннего Нового времени. Политически веротерпимость оказалась возможной в рамках особого европейского типа церковно-государственных взаимоотношений — просвещённого абсолютизма.

2. Религиозная терпимость была элементом вассальных и служебных отношений, выстроенных российской короной в средневековье, однако в Новое время наметился переход к веротерпимости на более широкой основе.

3. Факторами, способствовавшими подобному повороту, стала проблематика, имевшая как внешнее, так и внутреннее наполнение — вопрос о военно-политическом состоянии казачества и вопрос о старообрядческой эмиграции.

4. Необходимость использовать человеческий потенциал старообрядческой эмиграции привела к расширению терпимого отношения к старообрядцам и выработке мер по привлечению беглого старообрядческого населения с целью укрепления и освоения южных окраин.

5. Подобная политика была продолжена Петром III и Екатериной II, достигнув при последней своего предельного развития. Фактором, осложнявшим и затруднявшим старообрядческую реэмиграцию, стали взаимоотношения между Россией и Речью Посполитой и, в частности, один из основных вопросов этих взаимоотношений — «диссидентский вопрос», именно вопрос о политических правах православной и протестантской шляхты Польско-Литовского государства.

6. Первый раздел Речи Посполитой и унификация церковных порядков на исторических и приобретенных территориях, а также проблематика освоения юга России (Северное Причерноморье, Северный Кавказ, Северный Прикаспий) заставили российские власти обратить внимание на состояние церкви в государстве и выработать план в середине 1780-х гг. план соответствующих преобразований.

7. На подходы к реформам значительное влияние оказывали просветительские идейно-политические представления.

8. Активизация российской политики на юге вызвала усложнение взаимоотношений с государством с католичеством, для которого южные регионы России и регионы, сопредельные с ними, были давней зоной экспансии.

9. В целом взаимоотношения России с папством на протяжении второй половины XVIII в. были неровными и окончательно определились к концу XVIII в.

10. Католический регламент явился одним из крупнейших правовых памятников правления Екатерины II, имевшим долговременные последствия.

Теоретическая значимость диссертации. Исследование имеет значение для теории межконфессиональных отношений и религиозной политики в эпоху модерна. Кроме того, оно имеет важное значение в свете изучения процессов, охватывающих становление государства современного типа и роли религии в социальных процессах обществ европейского и азиатского типов. Исследование также вносит вклад в понимание правовой политики светского государства в сфере религии и направлений подобной политики в отношении конфессий, к которым принадлежит значительная часть населения государства. Наконец, оно имеет значение для изучения истории государственного управления как сферы знаний и отрасли общественного развития в области религии, религиозных и межконфессиональных отношений.

Практическая значимость диссертации. Материалы и выводы работы могут быть использованы при создании обобщающих работ по политической и религиозной истории России и сопредельных стран, славяно-балканского, закавказского и среднеазиатского регионов, общих и специальных курсов по истории Отечества, отдельных стран, входивших в состав или сферу геополитических интересов Российской империи, международных отношений и дипломатии. При этом значение диссертации не ограничено лишь XVIII веком: несмотря на конкретно-исторический характер исследования, многие выводы и наблюдения носят более широкий характер и могут быть адаптированы к изучению аналогичных

процессов более позднего времени (с учётом региона и периода) до конца первой трети XX в., с учётом типологии обществ и направлений общественного развития.

Апробация результатов диссертационного исследования. Работа подготовлена в Лаборатории междисциплинарных исследований востоковедного профиля Калмыцкого научного центра РАН и обсуждалась на заседаниях лаборатории и отдела истории Калмыцкого научного центра РАН. Основные положения исследования были представлены на международных и Всероссийских научных конференциях в 2016–2020 гг., таких как «Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие» (Элиста, 2016), «Н. М. Карамзин и его эпоха» (Москва, 2016), «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II» (Элиста, 2016), VI историко-архивный форум «Память о прошлом – 2017» (Самара, 2017), «Конструируя европейское: социокультурный трансфер от Атлантики до Урала» (Екатеринбург, 2017), XI Международный петровский конгресс «Петр I и Восток» (Санкт-Петербург, 2018), IV конференция «Язык, книга, и традиционная культура позднего русского средневековья» (Москва, 2019), «L’empire de Catharina Le Grande, Nouvelle Approches» (Париж, 2019), Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в. (Санкт-Петербург, 2020). Основные положения также освещались в статьях и монографиях автора.

Структура диссертации. Представленная диссертация состоит из Введения, пяти глав, Заключения и Списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность, теоретическая и практическая значимость диссертации, сформулированы объект и предмет, цель и задачи работы, основные положения, выносимые на защиту, очерчены территориальные и хронологические пределы исследования, даны краткие характеристики теоретико-методологической основы работы, историографии и базы источников, оценены личный вклад автора и степень

достоверности результатов исследования, приведены данные о его апробации и структуре.

В первой главе **«Историография, источники, методы исследования»** представлены историография изучаемой проблематики, обзор источников, характеристика методов исследования.

В первом параграфе главы «Историография» дана картина развития исторической мысли о взаимоотношениях государства и конфессий в нашей стране и за рубежом на протяжении XVIII–XXI вв. При этом особое внимание уделено анализу трудов, охватывавших середину – вторую половину XVIII в. как наиболее насыщенного событиями и принципиально важного с точки зрения эволюции российской политической системы и места в ней соответствующих конфессий и этноконфессиональных групп — носителей указанных конфессий. В процессе подобного анализа в целом была намечена периодизация историографического процесса, выделены три историографических периода: литература XVIII–XIX вв., литература XX в., современная литература. В отношении каждого периода отмечены характерные черты развития науки и общественного сознания, обращавшегося к научным проблемам, приобретавшим звучание для общества. Так, для литературы XVIII–XIX вв. отмечено наличие основополагающих трудов по ключевым проблемам взаимоотношения государства с католичеством, исламом, старообрядчеством, на длительный период определявших состояние проблематики в целом. Для литературы XX в. важнейшую роль сыграли методологические сдвиги, как общие, так и способствовавшие продвижению религиоведческих исследований и коренным сдвигам в области изучения церковно-государственных отношений, становления веротерпимости как феномена новой и новейшей европейской истории. В современной литературе, ведущей отсчёт с конца XX в., принципиально важным является освоение новых источников и совершенствование методологических приёмов, направленных на критику последних — именно этот процесс является залогом прогресса науки в наши дни.

Во втором параграфе «Источники» содержится анализ источников — как опубликованных, так и неопубликованных и неизвестных исследователям. В массе своей они имеют официальное происхождение, связанное с деятельностью центральных и местных органов светского и церковного управления и надзора, и сосредоточены преимущественно в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Наличие в этих центральных «феодалных» архивах компактных фондов и документальных комплексов в значительной мере стимулировало разработку базы источников настоящей работы. В работе источники охарактеризованы в соответствии с научной классификацией, выведены принципиальные черты каждой группы источников, касающиеся их происхождения и содержания.

Значение данных источников в целом заключается в том, что они дают возможность проследить развитие внешне- и внутривластных акций в вероисповедной политике русских властей, точно представить их идеологическое и юридическое обоснование и на этой основе существенно уточнить некоторые положения предшествующей историографии (в частности, восходящую к трудам С. М. Соловьёва трактовку «диссидентского вопроса»).

Уже говорилось, что абсолютное большинство названных источников имеет официальное происхождение. Однако в составе деловой переписки содержатся и источники неофициального происхождения, именно челобитные и обращения представителей различных религиозных сообществ на Высочайшее имя по вопросам внутриобщинным и культового строительства.

Вопросы подлинности, датировки, внешние особенности тех или иных неопубликованных источников специально оговорены в тексте при цитировании.

В третьем параграфе «Методология и методы, использованные в исследовании» представлена методологическая база исследования. Она подразумевает сочетание как

общенаучных, так и специальных исторических методов исследования.

Основой методологических построений служит понятие веротерпимости и трактовка исторически складывавшихся отношений между государством и церковью в Европе и России, охватываемая понятиями абсолютизма и просвещённого абсолютизма. Кроме того, в работе актуализированы подходы, задаваемые таким направлением современных исследований, как история империй. Что же касается собственно методологической базы работы, то она охватывает ряд научных принципов. Прежде всего, это объективность, предусматривающая изучение исторической реальности в её многообразии. Далее это историзм, предполагающий понимание изучаемых явлений и процессов в развитии и на протяжении времени и в определённом историко-культурном континууме. Наконец, это исторический детерминизм, направляющий научный поиск на путь выявления конкретных причин для процессов и явлений того или иного общественного масштаба.

Общенаучные методы, используемые на основе научных принципов — это исторический и логический методы. Исторический метод позволяет рассматривать изучаемое явление, именно политику Российского государства, применительно к особенностям эпохи, стадии развития государства и состояния изучаемого региона на протяжении конкретного временного отрезка.

Использован также логический метод, позволяющий определять взаимосвязь событий на основании их отражений в источниках.

Общим подходом в рамках обозначенной методологии является структурно-функциональный. Он открывает перспективу изучения властной системы Российской империи на различных уровнях (центральном, региональном) и проявления на них политико-правовой (в том числе законодательной) активности.

Наряду с общими методами исследования в работе применены и методы, свойственные исторической науке. Таковых методов два — историко-генетический и сравнительно-исторический.

Историко-генетический метод позволяет вести исследование с учётом понимания этапов развития государственной политики и эволюции монархии в России на протяжении XVIII в., включая переход монархии на стадию «просвещённого абсолютизма».

Исследование политики веротерпимости на разных этапах развития государства обусловило применение сравнительно-исторического метода. Это даёт возможность выявить общие черты в политике государства на протяжении значительного времени и определить особенности подобной политики применительно к тем или иным периодам и эпохам XVIII в.

Применение указанных методов и принципов в сочетании и взаимной связи даёт возможность провести исследование вероисповедной политики Российской империи с учётом территориальных и хронологических рамок исследования.

Во второй главе **«Вероисповедная ситуация в свете российско-османских и российско-крымских отношений»** представлены результаты изучения вероисповедного содержания российско-османских отношений.

В первом параграфе «Пограничная религиозно-политическая ситуация накануне и в период Северной войны» охарактеризованы подходы государства к религиозным пограничным вопросам на южных и юго-восточных окраинах государства, а также намеченная в петровское время смена вех: отказ от конфессионализма и поиск более широких оснований для осмысления религиозных вопросов вовне и внутри в связи с задачами дипломатии.

Победоносное окончание Северной войны поставило Петра I перед необходимостью заняться вопросами восточной политики. Предпосылки для этого определились, идейные же подходы к политико-дипломатической сфере нуждались в коррективах. Итог истекших лет петровского правления здесь не был радужным: прежние попытки строить политику на основе конфессиональной общности не увенчались успехом, более того, обозначился крах пресловутой «православной дипломатии». Необходимость поддерживать беспомощное православие в Польше и Литве и бороться за влияние там толкали к развитию отношений с

крупными континентальными католическими державами, прежде всего, Австрийской монархией, и силами европейского католицизма. Политические интересы России на национальных окраинах, прежде всего восточных, нуждались в более глубоком осмыслении, которое соответствовало бы масштабу петровских перемен.

Во втором параграфе «Старообрядческая эмиграция и проблема лояльности казачества (20–50-е гг. XVIII в.)» изучен важный для государства аспект старообрядческого протеста, именно его влияние на состояние лояльности и боеспособности казачества до середины XVIII в.

Среди южных пограничных религиозно-политических проблем, обозначившихся в годы Северной войны, первостепенное значение для властей возымели отношения с казачеством. Пример беглых донцов, прежде всего некрасовцев, служил постоянным испытанием политической лояльности казаков. Вместе с тем на позицию казачества в целом оказывало влияние и развитие старообрядческой эмиграции.

Вопрос о возвращении некрасовцев был предельно важным в деле обеспечения лояльности российского казачества в целом и снижение в его среде старообрядческого неприятия российской императорской власти.

Неприятным для начальства следствием соседства с некрасовской вольной казачьей общиной были постоянные побег к ним казаков с Дона, Терека, Волги и Яика. На данной почве имели место и открытые выступления. В частности, власти с большим трудом смогли подавить крупные волнения в Донском и Гребенском войсках 1725–1726 гг., когда многие казаки выражали желание покинуть родные места и соединиться с некрасовцами.

Особенно тревожили российскую власть попытки дунайских староверов создать у себя старообрядческую церковь и иерархию: было понятно, что это неизбежно отвратит от возвращения на родину значительную часть беглого населения. До правительства доходили сведения о подобных инициативах влиятельных общин Молдавии, Буковины и связанных с ними староверов в Польше, в Подолии: посланцы от этих общин обращались к молдавским,

греческим, грузинским архиереям, дабы они рукоположили священников для службы «по старым обрядам» и даже посвятили епископа.

Много беспокойства в России вызывали и старообрядческие лжеепископы, находившие себе поддержку у староверов Бессарабии, Молдавии и Подолии.

В попытках решить данный вопрос российские власти с 1760-х гг. возлагали надежды на религиозную либерализацию, однако она не привела к изменению позиции некрасовцев, более того, она вскрыла дефекты служилой системы, выстроенной на крепостнической основе, соответственно, вызвала отказ властей от её распространения на казачество на тот момент. Более значительными были результаты интегративных усилий властей, когда староверы привлекались на службу с сохранением известной религиозной автономии. В конечном же итоге вопрос о некрасовцах не получил своего решения.

В третьем параграфе «Калмыцкие и тюркские служилые контингенты: две модели укрепления иррегулярных войск в 1730–1750-е гг.» охарактеризованы подходы к устранению государством старообрядческой угрозы в казачьей среде, именно пополнение казачества контингентами, заведомо не являвшимися носителями старообрядческого протеста — тюркскими, ойратскими (преимущественно калмыцкими), украинскими.

Религиозно-политические противоречия в казачьей среде наверху воспринимались весьма негативно. После Северной войны определилось продвижение Российской империи на юг и восток. Оно было связано, в частности, со строительством новых пограничных укрепленных линий в Поволжье и Поднепровье, в связи с чем государству требовался надёжный людской резерв для службы на создаваемых оборонительных рубежах. Острой оставалась и крымская угроза, подогревавшаяся тогдашним российско-османским геополитическим соперничеством. Соответственно, вопрос о политическом состоянии казачества, несшего службу на южных и юго-восточных окраинах, приобретал властей большое значение.

Вместе с тем религиозно-политические процессы в русско-калмыцких отношениях, вызванные долгим соседством обоих обществ, именно контакты калмыцкой верхушки с русскими властями и двором, а также переход калмыков в греко-российское исповедание и формирование на северо-западной периферии калмыцких кочевий оседлых новокрещенских поселений (имевших, впрочем, недолгую судьбу — калмыцкая знать, не желавшая терять подвластный люд, сделала всё для скорейшего их уничтожения), подталкивали верховную власть к идее включить в состав казачества новые силы, по определению невосприимчивые к актуальной для казачества тематике — корпоративного (войскового) автономизма и/или старообрядчества. В 1740-е гг., под впечатлением от очередного башкирского восстания, подобная идея была распространена и на иррегулярные войска в целом: они также пополнялись составом, чуждавшимся в массе своей проповеди «старой веры».

Если до середины 1760-х гг. обе упомянутые модели — создание военно-служилых групп из крещёных военнслужащих (ставропольские калмыки, нагайбаки, к подобному же результату предполагалось в 1750-е гг. привести и деятельность Осетинской комиссии) и из некрещёных — применялись в равной степени, то в дальнейшем, особенно после фактического запрета миссионерской деятельности господствовавшей церкви при Екатерине II, применялась лишь вторая модель, ориентированная на некрещёных. Возрастала и роль лояльного украинского казачества. Востребованность подобной модели в ходе русско-турецких войн только возрастала, и история донского и кубанского казачества в указанное время — лучшее тому подтверждение.

В четвёртом параграфе «Движение казаков-старообрядцев за отмену обязательной службы (1764–1765 гг.) и его политические последствия» показан казачий старообрядческий протест в условиях объявленной Екатериной II вероисповедной либерализации. На его примере даны объяснения неизбежной ограниченности веротерпимости в условиях феодального государства применительно к служилой среде, равно как и

невозможность распространения именно на старообрядчество начал веротерпимости в полной мере.

Кроме того, после того, как движение удалось нейтрализовать, вопрос о необходимости пополнения казачества встал вновь. Под влияние конкретно-исторических условий в последней трети XVIII в., особенно после Пугачёвского восстания, возобладала модель пополнения казачьих войск некрещёнными военными служащими. Она обеспечивала непрерывный приток пополнения и доказала свою бесконфликтность.

В пятом параграфе «Восточное христианство и ислам на границах Российской империи» охарактеризована российско-турецкая борьба за использование в своих интересах христианских и мусульманских институций на Балканах, в Северном Причерноморье, Северном Кавказе и Северном Прикаспии и восточнее последнего, шедшая десятилетиями с переменным успехом и приведшая к успехам России лишь к концу XVIII в.

Результаты русско-турецкой войны 1768–1774 гг. серьёзно изменили геополитическую ситуацию в Юго-Восточной Европе и в перспективе повлекли за собою смену вех во внешней политике России: преобладающим стало южное, а не «северное» направление.

В прямом противоборстве с Османской империей Россия выступала покровительницей православия, однако без особого политического успеха — фанариотская верхушка константинопольской патриархии больше ценила своё место в турецкой общественно-политической системе, нежели связи с Россией. В этой связи заметным явлением становится в это время охлаждение русской дипломатии к греческой церкви на Ближнем Востоке. Признаки его появились ещё при Петре, в бытность послом в Константинополе И. И. Неплюева. Причины лежали на поверхности: внешнеполитическое ведомство России нуждалось в информации, греческое же духовенство было весьма далёким от европейской политики. Определённый диссонанс в отношении с греками вносила и европеизация российской политической элиты, европейский образ жизни русских дипломатов за границей. По этой причине центр религиозных связей с православным Востоком в

первой половине – середине XVIII столетия перемещается из Петербурга и Москвы в Киев, где активную переписку с греческими иерархами вёл митрополит Киевский Рафаил (М. Заборовский). Для российских же резидентов в Константинополе гораздо больший интерес в плане поисков источников информации представляли именно католические миссионеры и прелаты, имевшие, с одной стороны, тесные связи в среде европейских шпионов и посольских сотрудников, с другой, хорошо осведомлённые о положении на Востоке. Добросовестными информаторами России зарекомендовали себя в середине XVIII в. крымские армяне-католики, однако сведения о ситуации в Турции, Иране, Архипелаге они поставляли в основном отрывочные, из вторых и третьих рук, основанные по большей части на слухах. В итоге симпатии христианского населения и духовенства в регионах, становившихся театрами военных действий, не приносили осязаемых военно-политических преимуществ: ситуация, возникавшая во время Прутского и Персидского походов, повторялась в дальнейшем неоднократно и в последней трети XVIII в.

Большой успех российской стороне приносил интегральный курс в отношении ислама на южных рубежах, связанный с привлечением на службу или к сотрудничеству представителей социальной верхушки или духовенства пограничных народов, особенно в Крыму и казахской степи. Это давало возможность снижать уровень политического противостояния в пограничных регионах, отдалённых от театров военных действий и в то же время усиливать там российское административно-политическое присутствие. В конечном итоге эта стратегия (наряду с успехами оружия) обеспечила Российской империи преобладание в регионах соперничества с Турцией и способствовала политической и культурной коммуникации социальной верхушки тамошних народов со сферами российских власти и управления к концу XVIII в.

В третьей главе «**”Диссидентский вопрос” и его значение для отношений государства и греко-российской церкви на юге**» изучены внешнеполитические обстоятельства, осложнявшие планы

российской монархии по развитию старообрядческой реэмиграции и, в свою очередь, оказывавшие влияние на состояние отношений государства и правившей церкви, сложно и неоднозначно воспринимавшей вероисповедную либерализацию касательно старообрядцев.

В первом параграфе «Диссидентский вопрос» как политико-дипломатическая проблема» охарактеризована одна из ключевых проблем внешней политики России середины – второй половины XVIII в. «Диссидентский вопрос» прежде всего был вопросом о политических и религиозных правах православной и протестантской шляхты Речи Посполитой, гарантом которых Россия выступала в Новое время как одна из участниц системы соответствующих международных соглашений.

«Диссидентский вопрос» на протяжении XVIII в. и вплоть до третьего раздела Речи Посполитой служил основой взаимоотношений России с Польско-Литовской конфедерацией. Его перипетии как нельзя лучше подчеркнули актуальность внешних задач петровского времени, связанных с пересмотром российской дипломатией принципа «православной солидарности». Православная церковь и её духовенство в Речи Посполитой занимали маргинальное положение и не могли играть самостоятельной общественно-политической роли в российских отношениях с крупнейшим европейским западным соседом. В этой связи система политических гарантий в отношении польско-литовских некаатоликов, основанная на положениях «Вечного мира», по итогам успешного для России исхода Северной войны претерпевала эрозию: единоличное преобладание России в данной сфере сходило на нет, всё большее значение приобретала Пруссия, резко усилившаяся во второй четверти XVIII в. Ситуация усугублялась господством в российской дипломатии «австрийской системы» — ориентации на австрийский двор, впервые давшей себя знать при Петре I и подкреплённой союзническими отношениями российского и австрийского дворов, установленными в 20–40-е гг. XVIII в.

«Австрийская система» делала Речь Посполитую яблоком раздора между австрийской и прусской монархиями при

опосредованном участии России. Акцент же Пруссии на сотрудничество с польско-литовскими протестантами, соответственно, мобилизация протестантской аристократии, естественным образом сформировал ведущую роль Пруссии при пересмотре взаимоотношений вокруг Речи Посполитой, сложившихся в Восточной и Центральной Европе.

При Елизавете Петровне согласие России на подобный пересмотр, особенно в период Семилетней войны, было исключено, однако воцарение Екатерины II открыло подобную возможность. «Диссидентский вопрос» явился для России инструментом влияния на соседнее государство в целом. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в ряду причин, подтолкнувших Россию к сотрудничеству с Пруссией в «диссидентском вопросе», находилась и потребность усиления на юге, в спорной российско-польской полосе, смежной с турецкой зоной влияния. Отсюда закономерным было и начало русско-турецкой войны 1768–1774 гг.: Османская империя увидела для себя угрозу в усилении роли России в польских делах именно с позиции своих интересов в Северном Причерноморье и особенно на запустевшей после Северной войны Правобережной Украине.

В контексте «диссидентского вопроса» неизбежной была активизация отношений России с папством. Основным противоречиям между Санкт-Петербургом и Римом предстояло себя проявить в 1770–1790-е гг.

Во втором параграфе «Вопросы греко-российского церковного управления накануне и после первого раздела Речи Посполитой» показано, что «диссидентский вопрос» имел своим последствием актуализацию ряда вопросов устройства и управления греко-российской церкви, связанную прежде всего с необходимостью укрепить структуру последней в составе Речи Посполитой, особенно с учётом роли епископа Георгия (Конисского) и его близости к Екатерине II. Это было тем более естественно, что с середины 1780-х гг. возобладали курс на ликвидацию особенностей положения малороссийских епархий в структуре церкви и унификацию церковного устройства и управления.

«Диссидентский вопрос», выявивший слабость Церкви и православного духовенства в Речи Посполитой, заставил задуматься об их состоянии и в коренной России. Недостатки епископального управления требовали реформ, и в России они были наиболее кричащими в миссионерском деле.

В процессе государственного планирования реформ особое рабочее напряжение ощущалось в течение 1786 г., когда секуляризация и штатная реформа монастырей в малороссийских епархиях переплелись с двуединым проектом епархиального переустройства Церкви и реформы Синода.

В целом на Малороссию была распространена секуляризационная реформа, тенденции в политике в области церковных штатов, устанавливавшие общегосударственный статус собственно церкви и православного духовенства. Сферу особых забот Екатерины II составили также подбор кандидатур на епископские вакансии и создание Синода как работоспособного административно-распорядительного органа церкви, что неизбежно затрагивало и положение церкви на юге. С другой стороны, тот же «диссидентский вопрос» допускал и отступления от единообразия, проявившиеся в учреждении Слуцкой епархии и подданных обязательств её главы относительно Речи Посполитой. В целом воздействие «диссидентского вопроса» на состояние церковных дел на юге Российской империи в конце 1770–1780-х гг. было весьма и весьма широким и многообразным.

В четвёртой главе **«Старообрядческий вопрос: внешние и внутренние аспекты в эпоху Екатерины II»** рассмотрены усилия государства по преодолению трудностей, вызванных «диссидентским вопросом», и складыванию системы реэмиграционных мер, направленных на привлечение старообрядцев извне и изнутри государства на южные окраины страны, подлежащие в соответствии с планами верховной власти первоочередному хозяйственному освоению.

В первом параграфе «Судьбы старообрядчества на юге: внешнеполитический фактор» рассмотрено влияние русско-польских и русско-турецких отношений на состояние и темпы реэмиграции. Первый раздел Речи Посполитой и русско-турецкая

война 1768–1774 гг. не обеспечили российским властям решающих успехов в данном деле. Однако последовательное ухудшение отношений между российскими и польскими властями вкупе с успехами российского оружия в войне 1787–1791 гг. против Османской империи, а также последующие польские разделы сделали невозможным прежнее существование центров старообрядчества вблизи западных и юго-западных границ Российской империи и обусловили перелом в настроениях массы зарубежных староверов.

Во втором параграфе «Либерализация законодательства о староверах в правовой политике самодержавия 1760–1790-х гг.» изучена правовая политика российской монархии, обусловленная послаблениями 1750-х гг. в отношении староверов на юге и выросшая в особое направление внутренней политики.

С развитием процесса переселения старообрядцев законодательство о «расколе» всё более требовалось сообразовать с велениями жизни. Временем, когда подобные изменения получили своё воплощение, стала первая половина 1760-х гг.: именно в эту пору вышли указы, определившие новые правовые условия для «раскола» внешнего и внутреннего. Отправной точкой подобной политики стало закрепление статуса малороссийских слобожан с последующим расширением их прав.

В 1760–1790-е гг. это вылилось в последовательный курс отмены ограничений «раскола» и постепенной интеграции его в структуру податного населения и господствовавшей Церкви.

Процесс либерализации отнюдь не был прямым: рецидивы запретительной и репрессивной политики также имели место. Так, в мае 1784 г. с жёстким «антираскольническим» проектом выступил генерал-прокурор А. А. Вяземский, однако его предложения разошлись с либерализационной практикой монархии, и Екатерина II его даже не рассматривала.

Тем не менее именно в последней трети столетия и именно на юге России были сформулированы планы политического подчинения старообрядчества, подразумевавшие признание последним главенства Церкви и принятых в постпетровском государстве идеологических форм лояльности и верного

подданства (на рубеже XVIII–XIX вв. подобная политика получила название «единоверие»). Важно отметить, что линия церковной интеграции была сформулирована и при поддержке Г. А. Потёмкина проведена представителями греческой иерархии — носителями европейских идей православного Просвещения. В итоге 1790-е гг. стали завершением политической линии на поддержку возвращения староверов из-за рубежа, особенно с южных земель Восточной Европы.

В пятой главе **«Католический вопрос и его правовые последствия»** представлена характеристика процесса взаимоотношений российской монархии с католичеством и папством в связи с движением российских границ на юге и юго-востоке на протяжении последней трети XVIII в.

В первом параграфе «Европейские миссионеры на южных окраинах к началу 1760-х гг. и российские власти» рассмотрена деятельность католических миссионеров на российских границах. В изучаемое время миссионеры — представители различных католических орденов прочно обосновались в Закавказье и на Среднем Востоке, предполагая распространить влияние на Северный Кавказ и, по возможности, на калмыцкую степь.

В послепетровское время в течение многих лет, вплоть до начала правления Екатерины II, ориентация на Австрию стала основой российского курса в европейских делах. В 1726 г. Австрия заключила союз с Россией, признание же Веной русского императорского титула в 1742 г. в ходе войны за австрийское наследство, когда Австрия высказала заинтересованность в подобном союзе, и новый союзный договор 1746 г. ещё более укрепили двусторонние отношения [Собко 2006: 157]. Капуцины продолжали работу на российском юге, не упуская из виду, в частности, армянскую общину в Нежине, и «австрийская система», господствовавшая во внешнем курсе канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, расширяла их влияние.

Для российских властей взаимодействие с миссионерами, среди которых преобладали пользовавшиеся австрийской поддержкой капуцины, дало возможность осознать целый ряд обстоятельств, затрагивавших сферу религии на окраинах. Прежде всего,

вероисповедные отношения на окраинах были предельно сложны и запутаны. В этих условиях религиозная терпимость и формальное равенство исповеданий вытекали из прагматических соображений властей в центре и на местах, поскольку оказывались единственно возможными в видах бесконфликтного управления многоконфессиональными территориями. Далее, в начале 1760-х гг. из дел на местах стала вполне понятной слабость правовой базы по делам исповеданий, причём как в целом, так и в отношении неправославных религий. В частности, капуцины при поддержке сверху легко обходили запреты на распространение неправославных учений: медицина и «монастырские нужды» служили прикрытием для их миссионерской работы. Отсюда выработалось понимание того, что отсутствие правовых установок для отношений исповеданий с властями и друг с другом вызывает конфликты. Главная роль в вероисповедных отношениях эпохи «просвещённого абсолютизма» принадлежала светским властям. В данной связи решение проблем, вытекавших из контактов с миссионерами, наметилось с воцарением Екатерины II и её законодательной работой в 60–80-х гг. XVIII в.

При этом ограничение католического миссионерства на юге при Екатерине II, а затем и влияние «диссидентского вопроса» не повлияло на состояние взаимоотношений России с папством.

Помимо католиков, на российский юг устремлялись и другие европейцы. Принципиальный вклад в идеологию миссионерства протестантов на рубеже XVII–XVIII вв. внесли пиетисты, а в практику — гернгутеры, идейные продолжатели пиетистов. Осуществление «восточной» проповеди требовало наличия опоры в России. Опора, впрочем, была: с конца 1720-х гг. гернгутеры уже действовали в российских провинциях и успели завоевать симпатии части остзейского рыцарства (дворянства) и лютеранского духовенства.

Лидер гернгутеров, граф Н. Л. фон Цинцендорф, полагал, что с позиции планирования маршрутов сквозь Россию, внимания требовали калмыки и монголы: именно с ними предстояло встретиться миссионерам при движении по обеим ветвям

российского пути в Индию — и на берегах Каспийского моря, и в Сибири.

Намерения Цинцендорфа были поддержаны моравской церковью. В 1741–1742 гг. европейские синоды — территориальные органы гернгутеров — приняли решение о начале миссии у калмыков. На них влияли призывы не только графа, но и пиетистов из Галле, в поле зрения которых калмыки попали с 1700-х гг. Однако преследования российских властей в отношении гернгутеров в остзейских провинциях в 1743–1744 гг. заставили миссионеров отложить планы в отношении ойратов на двадцать лет.

Во втором параграфе «Великая княгиня Екатерина Алексеевна — будущая императрица и католические миссионеры на юге: взаимная заинтересованность» обозначены предпосылки складывания отношений российских властей и католичества вовне и внутри страны в эпоху Екатерины II. Её участие в бытность супругой наследника престола и великой княгиней во внутренней борьбе католического сообщества Санкт-Петербурга и соответственно ее взаимоотношения с католическими кругами северной столицы являются бесспорными. Источники подтверждают, что на протяжении 1755–1759 гг. упомянутые контакты носили прочный, устойчивый характер и обусловили поиск католическими кругами, жизненно втянутыми в миссионерскую работу на юге России, поддержки со стороны Екатерины. Свой интерес был и у «молодой Екатерины». Она была гораздо более самостоятельна как политик, нежели это представлялось в предшествующей литературе. В мечтах об императорской короне и в борьбе за нее будущая императрица вела себя жестко, по-своему даже цинично. С середины 1750-х гг. она готовилась к решающей схватке и искала нужные резервы. Именно насущными поисками и был продиктован конкретный момент, связанный с вниманием к католичеству. Однако дальнейшие события (кончина Елизаветы Петровны, знакомство с Орловыми) задали другую траекторию движения Екатерины к трону.

В третьем параграфе «Католический регламент» изучен процесс разработки и становления Католического регламента 1769 г. —

крупнейшего правового памятника екатерининского царствования. Прослежено, прежде всего, его появление в связи с внутренними конфликтами в католической общине Санкт-Петербурга, состоянию дела в которой Екатерина II всегда уделяла внимание, показана разработка на протяжении 1766–1768 гг. его наиболее существенных положений, определявших взаимоотношения внутри общины и статус общины под российской властью.

Для вероисповедной сферы появление Католического регламента имело большое значение. Источники показывают, что он стал подлинно работающим «узаконением»: ссылки на него и апелляции к нему встречаются постоянно.

За появлением Католического регламента стояла тенденция формирования правовых основ религиозной политики, именно введения в жизнь естественно-правовых принципов правотворчества, основанных на идеях Просвещения. Нововведение Екатерины вызвало интерес за рубежом, и отнюдь не всегда доброжелательный: папство, спокойно относившееся к действиям императрицы в «диссидентском вопросе», встретило появление Регламента в штыки. Российские представители при зарубежных дворах подчёркивали, что императрица движима желанием в обустройстве европейских христиан в России, исключить их зависимость от институций вне России и подвести исключительно под действие российского права. Кроме того, основой законодательства России становилась веротерпимость, внесённая Екатериной II в «Наказ» для Уложенной комиссии, к тому времени получивший в Европе известность как подлинный манифест «просвещённого абсолютизма».

Католический регламент существенно ограничивал прерогативы папства в отношении российского католичества и вызвал на длительный период ухудшение российско-папских отношений.

В четвёртом параграфе «Управление католическим исповеданием (по материалам переписки Екатерины II и Пия VI)» изучено, как отношения развивались на почве подобного ухудшения и в связи с дальнейшими мерами Екатерины II в отношении католического исповедания в России.

Сближение России с Австрийской монархией и усиление на юге заставило папство стремиться к их налаживанию с целью защиты интересов католической религии и позиции католических орденов в Закавказье и на Среднем Востоке. Помимо этого, остро стояли и вопросы состояния католичества и униатства в областях, присоединённых к России после разделов Речи Посполитой, особенно на юго-западе, где позиции униатского исповедания были весьма сильны. Именно эти причины заставили папу Пия VI в 1780 г. инициировать обмен посланиями с Екатериной II. Предметом переписки были, прежде всего, территориально-административная структура католичества в западных областях Российской империи, перешедшая под власть последней после первого раздела Речи Посполитой, полномочия екатерининского выдвигенца — епископа С. Сестренцевича с позиции российских властей и папства как в политическом и территориальном, так и сугубо духовном аспектах.

Содержанием русско-папских отношений, отражённых в переписке, была борьба за осязаемые политические преимущества. Папство было обеспокоено возможным ослаблением католицизма в Польше и на территориях, отошедших от неё к не католическим государствам, его не устраивало назначение главой католиков в России С. Сестренцевича, и оно всячески стремилось оказать давление на Екатерину II и сорвать её планы. Русская дипломатия, как могла, отбивала эти наскоки. Приземлёнными были причины столкновений с папством и помимо Польши. Российское продвижение на юге в 80–90-е гг. XVIII в. вызывало тревогу Рима за судьбы тамошнего католичества и унии, и потому он не желал укрепления российской католической кафедры во главе с Сестренцевичем, подчинения ей католиков Крыма, Грузии, Армении, дунайских княжеств. Для России же неприятие римско-католической миссии в Грузии и шире — на юге, высказанное Г. А. Потёмкиным, носило характер борьбы за собственное влияние.

В переписке обсуждались также устройство униатского исповедания в России, в судьбах которого папство также было заинтересовано. Екатерина II проводила в переписке принцип

верховенства светской власти и примата российского права, что явилось для папства на тот момент чувствительным дипломатическим поражением.

Ответом папства стали попытки создать для России осложнения в «диссидентском вопросе» и в деле создания православной кафедры в Речи Посполитой в конце 1780-х гг. Однако европейский кризис, вызванный Великой Французской революцией, толкнул Пия VI к поискам политической поддержки со стороны России. При Павле I подобные попытки продолжались. В это время отношения с папством (в том числе и при новом папе, Пие VII) вращались не вокруг устройства пограничных латинских исповеданий, а вокруг Мальтийского ордена и иезуитов в России.

В пятом параграфе «Опыт политико-правовой модернизации на основе Католического регламента» изучено развитие религиозной политики, имевшее значение для социальных процессов на российском юге и юго-востоке. Принципы Католического регламента были положены в основу конфессионального правотворчества Екатерины II: на их основе выросли регламент для реформатов 1778 г. и проект консисторской реформы протестантов, разрабатывавшийся в 1780-е гг. Процесс правотворчества сопровождался централизацией конфессионального управления и внедрением единых просветительских правовых стандартов. Проекты преобразований для протестантов должны были затрагивать территорию государства в целом и способствовать складыванию протестантских общин вне столиц. Они оказывались возможными в связи с процессом европеизации и проникновением иноземцев — носителей европейского христианства в российское общество, в том числе и на окраинах страны. Отсюда возможна трактовка правотворчества на основе Католического регламента как примера так называемой очаговой фронтальной модернизации, главным актором которой выступало государство. Правовые принципы, положенные в основу католического управления, имели кумулятивный эффект: на их основе разворачивалось управление и другими, помимо католичества, неправославными исповеданиями в России.

Однако продолжение на сей счёт последовало в середине 1780-х гг. Впервые о необходимости централизованных учреждений по духовным делам мусульман заговорил уфимский и симбирский генерал-губернатор О. А. Игельстром. Служа в Крыму под начальством Г. А. Потёмкина, он на своём опыте явно столкнулся с проблемой включения чуждого по культуре и религии этноса, в данном случае крымско-татарского, в русскую политико-правовую систему. Будучи переведённым в Уфу на губернаторство, О. А. Игельстром обнаружил, что подобная проблема стоит и на юго-восточной окраине России с её многочисленным кочевым и полукочевым населением. Беспокоился уфимский наместник прежде всего о том, что, во-первых, к татарам, башкирам и казахам могут проникать носители враждебных настроений — духовные лица из ориентировавшихся на Турцию государств Средней Азии, и что, во-вторых, татарские муллы, действующие в Приуралье и Поволжье, получают образование в среднеазиатских же учебных заведениях и напитываются там сильнейшим антирусским духом, чему были и бесспорные подтверждения.

Отсюда у генерал-губернатора возник замысел создания из доверенных представителей исламского духовенства «особливой комиссии», призванной под контролем местной администрации экзаменовывать и назначать к мечетям «ахунов, мулл и азанчеев», а заодно давать разрешения и на строительство самих мечетей. По рекомендации Игельстрома главой комиссии должен был стать хорошо ему известный первый ахун Оренбургской пограничной экспедиции М. Хусейнов, членами — двое дорожных ахунов и двое специально назначенных в комиссию мулл. Кроме того, в работе комиссии должны были участвовать губернский прокурор и два члена верхней расправы. Окончательное утверждение кандидатур оставалось за наместническим правлением. Задачу комиссии сановник видел, прежде всего, в сокращении количества «безуказных» мулл во вверенном ему крае. Их число, как полагал Игельстром, стало чрезмерным, «неограниченным», между тем, продолжал губернатор, эти муллы в сущности обыкновенные бродяги, «избывающие служеб и податей» за счёт «лехковерных» соплеменников и принявшие «обеты закона своего ложно», дабы

«вольнее из места в место переходить под предлогом распространения веры своей, коим способом и за границу потаённым образом отлучаются». Предложения о комиссии за подписями О. А. Игельстрома и советника наместнического правления Д. Б. Мертваго были направлены Екатерине II 31 мая 1788 г.

Стойкая тенденция к ухудшению отношений с Турцией была причиной внимательного отношения правительницы к представленному документу. По её указанию проект подвергся доработке в III Департаменте Сената: учреждение получило не региональный, а общегосударственный характер (из ведения предполагаемой комиссии изымалась только Таврида в связи с известными потёмкинскими опытами учреждения там особого муфтията и по внешнеполитическим соображениям. Председатель собрания получал титул муфтия (опять-таки по крымскому примеру), а духовные члены именовались заседателями. Выбирать их следовало из поволжских татар (по-видимому, после памятного путешествия 1767 г. по Волге в их лояльности Екатерина II была наиболее уверена), но опять-таки с проверкой на политическую благонадёжность и достойное сану поведение: духовные места должны были занимать люди «в верности надёжные и доброго поведения». Все эти положения отразились в данном О. А. Игельстрому именном указе от 22 сентября 1788 г. Так возникло государственное ведомство, известное в литературе под названием Оренбургского магометанского духовного собрания.

Здесь весьма важно, что правовая модернизация, проводившаяся екатерининской монархией и первоначально ориентированная на протестантов, благодаря усилиям губернаторского корпуса имела важный побочный результат — она привела к созданию на правовой основе общегосударственной институции управления мусульманами.

В **Заключении** работы подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы.

Анализ показал, что становление веротерпимости как европейского явления раннего Нового времени относится к периоду Контрреформации и дальнейшему политическому

развитию континента. Линию политического развития ведущих европейских стран XVII–XVIII вв. (Нидерланды, Англия, Франция, Бранденбург-Пруссия, государство австрийских Габсбургов) определяли коллизии между католиками и протестантами или различными направлениями протестантизма, для австрийских же Габсбургов они становились залогом целостности владений.

В этой же связи установлено, что политически веротерпимость оказалась возможной в рамках особого европейского типа церковно-государственных взаимоотношений — просвещённого абсолютизма. Типология просвещённого абсолютизма разрабатывалась на основании политических критериев, и особенности конфессиональной политики также учитывались в европейской классификации. Современная типология просвещённого абсолютизма выделяет в качестве одного из вариантов подобного типа церковно-государственных отношений остальбский просвещённый абсолютизм с конкретными вариантами (Австрия, Пруссия, Россия). Очевидно, что австрийский и прусский варианты определяются в зависимости от конкретных взаимоотношений между католичеством и протестантизмом в этих государствах, с одной стороны, и между монархами и папами — с другой. В этой связи русский вариант просвещённого абсолютизма занимает особое место, поскольку в своей политике российская монархия не ставила задачи борьбы с политическим клерикализмом и располагала полнотой власти в отношении православной церкви.

Религиозная терпимость издавна была элементом вассальных и служебных отношений, выстроенных российской короной в средневековье. В работе показано, что с началом петровских реформ они исчерпали себя, в связи с чем наметился поворот к более широкой веротерпимости, распространяющейся на податные сословия и предполагавшей приоритет гражданских ценностей перед религиозными (конфессиональными). В петровские времена встала и задача отказа от конфессионализма в сфере внешней политики. Отдельные элементы политики веротерпимости находили проявление в действиях российской монархии на протяжении первой половины XVIII в. в различных регионах

(Нижнее Поволжье и северное побережье Каспийского моря, Остзейский край), однако поворот российской монархии к веротерпимой политике в целом наметился в середине 1750-х гг.

В исследовании установлено, что факторами, способствовавшими подобному повороту, стала проблематика, имевшая как внешнее, так и внутреннее наполнение — вопрос о военно-политическом состоянии казачества и вопрос о старообрядческой эмиграции. Старообрядческий протест в казацкой среде в последней четверти XVII – начале XVIII в. был подавлен, но окончательно не побеждён, частично сохраняясь в латентной форме, частично же проявляя себя открыто после ухода на южную и юго-восточную периферию России. В этой связи казацкие группы на российской службе пережили и религиозный, и политический раскол, ослабивший не только лояльность, но и боеспособность. Власти, добившись вытеснения старообрядцев, были вынуждены решать вопрос об укреплении военно-политического состояния казачества. Выход был найден в расширении его рядов за счёт этноконфессиональных групп, по определению невосприимчивых к проповеди старообрядчества — украинского казачества, а также калмыцких и тюркских формирований, как крещёных, так и некрещёных. Именно калмыки в первой половине XVIII в. стали основным резервом пополнения и развития иррегулярных войск в составе российской армии и в период крупнейших войн в Европе и на юге.

Старообрядческая эмиграция как явление также возникла на почве подавленного народного религиозного движения последней трети XVII – начала XVIII в. и явилась выражением недовольства усилением крепостничества в указанное время со стороны податных сословий. Она привела к развитию бегства простолюдинов в сопредельные европейские государства и на турецкие вассальные территории, а также на отдалённые окраины Российского государства и возникновению общей замкнутой социальной системы на российских границах и вблизи них. Наибольшим был отток населения в Речь Посполитую вследствие значительной доли здесь православного простолюдинов населения и либерального отношения к старообрядцам со стороны

польско-литовских и католических властей. Борьба с оттоком податного населения в первой трети XVIII в. стала заметным фактором внутренней и внешней политики Российского государства.

Выяснено, что необходимость использовать человеческий потенциал старообрядческой эмиграции привела к расширению терпимого отношения к старообрядцам и выработке мер по привлечению беглого старообрядческого населения с целью укрепления и освоения южных окраин. Меры носили как политический, так и правовой характер, в частности, они повлекли правовую либерализацию в отношении старообрядчества, наметившуюся в заключительный период правления Елизаветы Петровны и в связи с работой Уложенной комиссии в 1754–1755 гг.

Подобная политика была продолжена Петром III и Екатериной II, достигнув при последней своего предельного развития. Фактором, осложнявшим и затруднявшим старообрядческую реэмиграцию, стали взаимоотношения между Россией и Речью Посполитой и, в частности, один из основных вопросов этих взаимоотношений — «диссидентский вопрос», именно вопрос о политических правах православной и протестантской шляхты Польско-Литовского государства. Международная система гарантий, сложившаяся ещё в XVII в. с участием России, претерпела в период Северной войны и позже определённые изменения, однако участие России в ней было по-прежнему подтверждено. Перипетии «диссидентского вопроса» (разумеется, наряду с другими обстоятельствами) привели к первому разделу Речи Посполитой и в дальнейшем, в 1770–1780-е гг., не раз становились причиной кризисов в отношениях двух государств. Они в значительной мере сдерживали реэмиграцию вплоть до конца 1780-х гг., когда в полной мере обозначилось внимание России к освоению Северного Причерноморья.

Первый раздел Речи Посполитой и унификация церковных порядков на исторических и приобретенных территориях, а также проблематика освоения юга России (Северное Причерноморье, Северный Кавказ, Северный Прикаспий) заставили российские власти обратить внимание на состояние церкви в государстве и

выработать в середине 1780-х гг. план соответствующих преобразований.

На подходы к реформам значительное влияние оказывали просветительские идейно-политические представления. Они положили начало кодификации и либерализации религиозного законодательства, расширению прав старообрядцев как экономически активного меньшинства в городе и деревне, особенно на новоосваиваемых южных территориях. То же касалось и других экономически активных меньшинств, чья хозяйственная деятельность стимулировалась соответствующей правовой политикой екатерининского времени.

В работе изучен вопрос об отношении государства к католицизму на юге. Показано, что активизация российской политики на юге вызвала усложнение взаимоотношений государства с католицизмом, для которого южные регионы России и регионы, сопредельные с ними, были давней зоной экспансии. В процессе осознания подобного усложнения власти России установили слабость соответствующей внутренней правовой базы и низкий уровень реального контроля за состоянием миссионерской работы католиков на южных окраинах, ущемлявшей признанные прерогативы православной церкви. Это вызвало необходимые политико-правовые коррективы, отразившиеся на законодательном уровне и в сфере международных отношений. Их памятниками стали Католический регламент Екатерины II, принятый в 1769 г., и переписка императрицы с папой Пием VI.

В целом взаимоотношения России с папством на протяжении второй половины XVIII в. были неровными. Екатерина II в видах борьбы за власть испытывала определённый интерес к католическим силам. Имел место и ответный интерес, связанный с надеждами на либерализацию в отношении католицизма в России. Это нашло своё отражение в том, как разрешался в 1760-е гг. «диссидентский вопрос» в Речи Посполитой: папство и Екатерина II относились друг к другу предельно корректно. Отношения были испорчены лишь в связи с принятием Католического регламента и мерами Екатерины II по созданию территориально-

административной структуры католического исповедания в обход папства. При этом зонами столкновения интересов в 1780-е гг. были не только белорусские территории, присоединённые к России после первого раздела Польши и Литвы, но и Закавказье, прежде всего, Грузия, где католические миссионеры обосновались издавна.

Католический регламент явился одним из крупнейших правовых памятников правления Екатерины II. Его разработка имела кумулятивный эффект: на основе обозначенных правовых принципов было продолжено законодательное регулирование жизни конфессий в Российской империи, что привело к появлению протестантского регламента 1778 г. и учреждению Духовного собрания мусульман в 1787 г. Религиозные институты рассматривались самодержавием как важное средство управления и поддержания верноподданнических чувств в среде неправославного населения государства. В отношении же старообрядчества была выработана линия на его политическую интеграцию и постепенное включение в систему церкви с правами автономии в обрядовой сфере и на приходском уровне.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Монографии

1. Ряжев А. С. «Просвещенный абсолютизм» и старообрядцы: вторая половина XVIII – начало XIX в. В 2 ч. Тольятти: Изд-во Тольяттинского госуниверситета, 2006. Ч. I. 180 с. Ч. II. 332 с.
2. Ряжев А. С. Старообрядцы Юга России в политике абсолютистского государства (XVIII в.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 416 с.

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК

3. Ряжев А. С. Неизвестные проекты русского «просвещённого абсолютизма» по делам религии // Отечественная история. 2004. № 2. С. 143–155.

4. Ряжев А. С. Просвещённое духовенство при Екатерине II // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 43–57.
5. Ряжев А. С. Новые документы о надписи на памятной доске в Архангельском соборе Московского Кремля — источники по идеологии русского «просвещённого абсолютизма» // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 1. С. 53–59.
6. Ряжев А. С. Надпись в Архангельском соборе Московского Кремля — памятник идеологии «просвещённого абсолютизма» и веха в судьбе Екатерины II // Уральский исторический вестник. 2010. № 4. С. 24–32.
7. Ряжев А. С. Вероисповедная дипломатия Екатерины II: борьба за возвращение на родину казаков-некрасовцев // Военно-исторический журнал. 2010. № 10. С. 56–63.
8. Ряжев А. С. Командный состав Ставропольского калмыцкого войска в военной и вероисповедной политике государства от Семилетней войны до эпохи 1812 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 27–32.
9. Ряжев А. С. Ставропольское калмыцкое войско (1737–1843 гг.): опыт изучения новых источников // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 13–18.
10. Ряжев А. С. Религиозная политика Петра I на южных рубежах России накануне и в ходе Великой Северной войны // Новый исторический вестник. 2018. № 4 (58). С. 88–100.
11. Ряжев А. С. Казачья история юга и юго-востока России XVIII – начала XIX в. в контексте этноконфессиональных отношений: историографические заметки // Монголоведение (Монгол судлал). 2019. № 16. С. 5–22.
12. Ряжев А. С. Старообрядческая реэмиграция начала 1750-х гг.: южная программа российских властей // *Bylye Gody*. 2019. Т. 53. № 3. С. 1008–1016.
13. Ряжев А. С. Старообрядческая реэмиграция в 1750-е гг. на юге России: борьба подходов в правовой политике // *Bylye Gody*. 2019. Т. 54. № 4. С. 1470–1478.
14. Ряжев А. С. Старообрядческая реэмиграция начала 1760-х гг.: переселенцы и власти юга России в поисках взаимопонимания // *Bylye Gody*. 2020. Т. 55. № 1. С. 40–48.

15. Ряжев А. С. Великая княгиня Екатерина Алексеевна и католики-миссионеры на юге России: будущая императрица в поисках путей к власти (вторая половина 1750-х годов) // Новый исторический вестник. 2020. № 2 (64). С. 6–22.

16. Ряжев А. С. Традиции служилой группы в материалах следствия 1746 г. о (не)крещеном калмыке: опыт социального регулирования в Российской империи // *Bylye Gody*. 2020. Т. 57. № 3. С. 1025–1033.

17. Ряжев А. С. Неписанный закон: социальные привилегии высшего командного состава Ставропольского корпуса крещеных калмыков в политике государства (40–60-е гг. XVIII в.) // *Bylye Gody*. 2020. Т. 58. № 4. С. 2356–2364.

18. Ряжев А. С. Искупленный дважды: толмач Ставропольского войска Афанасий Шорин (опыт реконструкции нетипичной биографии крещеного калмыка второй трети XVIII в.) // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 876–889.

19. Ряжев А. С. «Реэстр зюнгорскому ружью», или Вопрос о джунгарском пополнении Ставропольского корпуса крещеных калмыков в политике государства (конец 50 – начало 60-х гг. XVIII в.) // *Монголоведение (Монгол судлал)*. 2020. Т. 12. № 4. С. 735–751.

20. Ряжев А. С. Российские буддисты в миссионерских замыслах гернгутеров и миссионеры-гернгутеры в оценке российских властей (по материалам расследования 1743–1744 гг.) // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2021. № 3. С. 18–24.

21. Ряжев А. С. Религиозно-политическое состояние прибалтийского дворянства в оценке российских властей: эпизоды из истории остзейского вопроса (40–80-е гг. XVIII в.) // *Вопросы истории*. 2021. № 8-1. С. 31–42.

22. Ряжев А. С. Католический врач для калмыцкого хана: к характеристике вероисповедной политики на южных окраинах Российской империи (начало 60-х гг. XVIII в.) // *Монголоведение (Монгол судлал)*. 2021. № 2. С. 248–259.

23. Ряжев А. С. Католические миссионеры на южных российских окраинах в первой половине XVIII в. (по документам

Архива внешней политики Российской империи) // *Oriental Studies*. 2021. № 3. С. 449–458.

Научные публикации в других изданиях

24. Ряжев А. С. Библиотеки Иргизских старообрядческих монастырей (по материалам описи 1828 г. // Книга в культуре Урала XVI – XIX вв. Сборник научных трудов. Уральский государственный университет. Екатеринбург, 1991. С. 95–127 (соавт. – Починская И. В.).

25. Ряжев А. С. Епископ Иаков о поволжских старообрядцах // Самарский краевед: Историко-краеведческий сборник. Самара. 1994. С. 48–60.

26. Ряжев А. С. Единоверие // Отечественная история с древнейших времён до 1917 г. Энциклопедия. Т. 2. Д–К. М.: Большая российская энциклопедия, 1995. С. 122–124.

27. Ряжев А. С. Иргизские старообрядческие монастыри // Отечественная история с древнейших времён до 1917 г. Энциклопедия. Т. 2. Д–К. М.: Большая российская энциклопедия, 1995. С. 157–159.

28. Ряжев А. С. Керженцы, Керженские старообрядческие скиты // Отечественная история с древнейших времён до 1917 г. Энциклопедия. Т. 2. Д–К. М.: Большая российская энциклопедия, 1995. С. 550–551.

29. Ряжев А. С. Вероисповедная политика русского «просвещённого абсолютизма»: история изучения // История и историки: историографический вестник. 2005. М.: Наука, 2006. С. 84–126.

30. Ряжев А. С. Религиозные противоречия эпохи «просвещённого абсолютизма» во внешней политике Российской и Австро-Венгерской империй // Империи и империализм Нового и новейшего времени. Сборник статей. СПб.: Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. С. 249–252.

31. Ряжев А. С. Надпись на памятной доске в Архангельском соборе Московского Кремля — опыт историописания Екатерины

II: исторический контекст // Терминология исторической науки. Историописание. М.: Институт всеобщей истории, 2010. С. 214–247.

32. Ряжев А. С. Иргизские монастыри // Православная энциклопедия. Т. 26. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2011. С. 356–364 (соавт. – Агеева Е. А., Хачаянц А. Г.).

33. Ряжев А. С. Иргизский в честь Воскресения Христова мужской монастырь Саратовской и Вольской епархии Иргизский в честь Воскресения Христова мужской монастырь Саратовской и Вольской епархии // Православная энциклопедия. Т. 26. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2011. С. 364–367 (соавт. – Родченко О. И.).

34. Ряжев А. С. Папство в вероисповедной политике Екатерины II (по документам Архива внешней политики Российской империи) // Проблемы истории России. Вып. 9: Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к Новому времени. Сборник научных трудов. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, НИМП «Волот», 2011. С. 179–186.

35. Ряжев А. С. Ставропольские крещеные калмыки в военной и вероисповедной политике государства 30–60-х гг. XVIII в.: историко-археографический обзор документов // Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в.: Документы и материалы: в 4-х тт. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII в. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 20–28.

36. Ряжев А. С. Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в.: Документы и материалы: в 4-х тт. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII в. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 320 с. (сост.; отв. ред.).

37. Ряжев А. С. Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в.: Документы и материалы: в 4-х тт. Т. 3. Ставропольское калмыцкое войско в первой половине. XIX в. Элиста: Изд-во КИГИ РАН, 2012. 252 с. (сост.; отв. ред.).

38. Ряжев А. С. Russian Enlightened absolutism and the religious minorities in East and South-east Europe in the second half of the eighteenth century // *Encounters in Europe's Southeast. The Habsburg empire and the Orthodox world in the 18th and 19th centuries*. Bochum: Dr. Dieter Winkler Verlag, 2012. P. 255–261.

39. Ряжев А. С. Проект Екатерины II 1786 г. по преобразованию Св. Синода // Святейший Синод в истории российской государственности. Сборник трудов Всероссийской научной конференции. СПб.: Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина, 2017. С. 108–119.

40. Ряжев А. С. Судьба печати калмыцкого хана: этноконфессиональные процессы на юго-востоке России в 30–60-е гг. XVIII в. // *Magna adsurgut: historia studiorum* [Великая степь: журнал исторических исследований]. 2016. № 1. С. 50–60.

41. Ряжев А. С. Неопубликованные документы 1777 г. об отсылке крещёного пленника бакинскому хану (из переписки Св. Синода и Коллегии Иностранных дел) // *Magna adsurgut: historia studiorum* [Великая степь: журнал исторических исследований]. 2017. № 1. С. 32–40.

42. Ряжев А. С. Духовенство юга и юго-востока России в правовой политике Екатерины II: дело тамбовского епископа Феодосия (1769–1773 гг.) // *Magna adsurgut: historia studiorum* [Великая степь: журнал исторических исследований]. 2018. № 1. С. 35–43.

43. Ряжев А. С. Сочинение епископа Иакова (Вечеркова) «Взгляд на силу и развитие раскола по Саратовской епархии»: оценка веротерпимости Екатерины II в официальном направлении общественной мысли второй четверти XIX в. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 1. С. 36–51.

44. Ряжев А. С. Мираж религиозной войны: обстановка на юго-востоке Российской империи в оценках пограничных властей (конец 1780 – начало 1790-х гг.) // *Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.* Сб. науч. трудов. М.: Онто Принт, 2020. С. 100–112.